

карстовых пещер (Красная, Ени-Сала, Змеиная, МАН) охраняются как памятники природы.

Необходима кропотливая и трудная работа по приданию заповедного статуса хотя бы некоторым из природных святынь объектов Крыма. Причем, основные трудности могут быть только со стороны землепользователя (обычно это местные лесхозы), а национальные общины без каких-либо преград будут помогать заповедыванию их святынь. На эти же общины будет возложена основная охранная задача, т. к. все мы знаем, что охрана природного объекта на бумаге и охрана в действительности – это совсем разные вещи.

Автор беседовал с заместителем Всеукраинской Ассоциации крымских караимов Г.В. Катком, который полностью поддерживал идею заповедывания священной караимской дубовой рощи Балта Тиймэз, насчитывающей 24 священных дерева. Караимы согласны полностью вести санитарный уход за рощей, охранять деревья от различных посягательств (что они, собственно говоря, всегда и делали), а в то же время проводить в роще свои национальные культовые мероприятия. Согласны караимы также на объявление памятником природы священ-

ной караимской горы Бешик-Тау (предание говорит, что в ней скрыта колыбель, в которой должен воспитываться Спаситель Мира) и вытекающего из ее недр святого источника Юсуф-Чокрак.

Таким образом, на современном этапе становления идеи охраны дикой природы на территории Крымского полуострова, наиболее предпочтительным действием было бы экспедиционное изучение святынь объектов природы, составление их полного кадастра и заповедывание в качестве памятников природы с привлечением к природоохранному движению местных национальных общин.

Литература

- Борейко В.Е. (2001): Современная идея дикой природы. - Гуман. экол. ж. 3 (спецвып.): 4-37.
- Борейко В.Е. (1998): Святые места дикой природы. Киев 1-107.
- Коваленко И.М. (2000): Священные источники Крыма. - Природа. Симферополь. 3-4.
- Коваленко И. (2001а): Священные деревья. - Таврические ведомости. 13 (311). 27.04.
- Коваленко И.М. (2001б): Культура водопользования народов Крыма. - Уч. зап. ТНУ. Сер. геогр. Симферополь. 14 (1).
- Рыжиков А.И. (2001): Священные объекты дикой природы. - Гуман. экол. журн. 3 (спецвып.): 87-92.

Познание и любовь к природе

В.Н. Грищенко, кандидат биологических наук

Каневский природный заповедник,

Украина, 19000, Черкасская обл., г. Канев, e-mail: vitaly@aquila.freenet.kiev.ua

Среди тех, кто занимается вопросами идеологии охраны природы, можно выделить два основных направления – религиозно-мистическое и естественнонаучное, отличающиеся подходами, аргументами, мотивацией и т. д. Сторонники первого считают, что изучение природы ведет к обесцениванию ее в глазах человека. “Ученые видят в природе факты, а не ценности”, “дикая природа должна оставаться неисследованной, чтобы вызывать чувство благоговения”, “почитают то, что не понимают” и

т. п. – вот их обычные аргументы, восходящие к И. Канту.

Трезвый анализ, однако, показывает, что такая позиция, используя одно из излюбленных выражений В.Е. Борейко, является “саморазрушающей”. Без данных науки призывы соблюдать права животных, принципы экологической этики и т. п. превращаются в упражнения по словесной эквилибристике. Самые хорошие идеи должны иметь механизмы реализации, без чего их практическая ценность равна нулю. Да,

идеал может быть в принципе недостижим, но должны быть, по крайней мере, пути, по которым можно следовать к намеченной цели. В противном случае такой идеал будет всего лишь красочным воздушным замком, витающим в облаках и никак не соприкасающимся с грешной землей. Средневековые схоласты вели оживленные дискуссии о том, сколько чертей может уместиться на кончике иглы. В реальной жизни козней лукавого от этих философских “премудростей” почему-то не уменьшалось.

Противопоставление экологической этики науке – нонсенс, поскольку лишает ее почвы под ногами. Без привлечения научных знаний просто невозможно ответить на вопрос, который является основным для любой этической системы: “Что такое хорошо, что такое плохо?” (Грищенко, 2001а, 2001б).

На чем стоим?

Отношение к основе ценностей и морали может быть различным. Хорошо известны слова, вложенные Ф.М. Достоевским в уста Ивана Карамазова: “Если Бога нет, то все позволено”. Однако, например, З. Фрейд считал религию слишком шаткой основой для морали. По его мнению, союз религии и этики ведет к разрушению моральных ценностей, поскольку ставит их в зависимость от веры в Бога. Религия угрожает именно идеалам и ценностям. Человек должен научиться иметь дело с реальностью, а не иллюзиями. Если он знает, что ему не на что положиться, кроме собственных сил, то научится и правильно ими пользоваться (Фрейд, 1990; Фромм, 1990). К тому же, нравственные ориентиры и ценности оказываются зависимыми от системы координат, т. е. вероисповедания. Религии вообще ведь не существует. Например, правоверный мусульманин в рот не возьмет спиртные напитки, зато может иметь нескольких жен, в христианстве же установки диаметрально противоположны. Точно так же противоположно отношение к деньгам и богатству в православии и протестантизме.

“Сомнительно, – писал З. Фрейд, – чтобы люди в эпоху неограниченного господства религиозных учений были в общем и целом счастливее, чем сегодня; нравственнее они явно не были. Им всегда как-то удавалось экстериоризировать религиозные предписания и тем самым расстроить их замысел. Священники, обязанные наблюдать за религиозным послушанием, шли в этом людям навстречу. Действие божественного правосудия неизбежно пресекалось божьей благодатью: люди грешили, потом приносили жертвы или каялись, после чего были готовы грешить снова. <...> Совершенно очевидно, что священники могли поддерживать в массах религиозную покорность только ценой очень больших уступок человеческой природе с ее влечениями. На том и порешили: один бог силен и благ, человек же слаб и грешен. Безнравственность во все времена находила в религии не меньшую опору, чем нравственность [выделено мной – В.Г.]” (Фрейд, 1990).

Бывало и хуже. Вот как Г. Вебер в своей “Всеобщей истории” описывает нравственный упадок в Южной Франции и Италии в начале X в.: *“Единственной связью между людьми был расчет выгод, всеми поступками управлял эгоизм, и духовенство отдалось чувственным страстям одинаково с мирянами. В нем почти не было людей, которые вели бы такую жизнь, как требовала церковь: религиозность ограничивалась исполнением обрядов; в монастырях не осталось следов нравственного порядка” (Вебер, 1893, цит. по: Гумилев, 2002).*

Л.Н. Гумилев (2001) вообще считает, что уровень нравственности общества зависит от фазы этногенеза. С этим можно не соглашаться, но в истории легко найти немало примеров того, как попытки искусственно повысить уровень нравственности особого результата не имели.

Увы, ни одна религия ни один народ не сделала принципиально лучше. Любое вероучение сразу же приспособлялось к насущным потребностям и не мешало творить

неблагие дела (Грищенко, 2000). После торжества и христианства, и ислама отнюдь не установилось царство мира, добра и справедливости. Сразу же начались кровавые распри между сторонниками различных течений. В них были втянуты огромные массы людей, совершенно не разбиравшихся в теологических тонкостях. Цвета знамен для них были лишь знаком, помогавшим отличать своих от чужих.

В прошлом известный диссидент а ныне украинский академик Иван Дзюба пишет: *“Не ставя под сомнение наличие среди верующих многих и многих честных, жертвенных и благотворительно-деятельных людей, все же приходится признать, что активизация деятельности Церквей за последнее десятилетие не оказала заметного влияния на духовное самочувствие и практическое поведение большинства людей и существенно не улучшила моральный климат в обществе. <...> ...нигде в мире, ни в одном обществе – и в нашем также – христианство, христианская Церковь (или христианские Церкви), вопреки всеми или почти всеми признанному высокому авторитету, не оказывают решающего влияния на состояние дел в этих обществах, на социальное и этическое поведение людей”* (Дзюба, 2001).

“Все позволено” или “не позволено” может быть независимо от господствующей в обществе религиозной доктрины. Другими словами, основой морали и этики может быть и система ценностей, не связанных с религией. В охране природы, по моему мнению, лучше всего опираться на общечеловеческие ценности, выработанные за тысячелетия развития общества. Они не зависят от национальности, вероисповедания, находящихся “у руля” политических и религиозных лидеров и т. д., и т. п. Все это может меняться, а ценности остаются. Идея охраны дикой природы независимо от утилитарных интересов человека должна прочно войти в систему общечеловеческих ценностей. Именно это, с моей точки зрения, является сверхзадачей теоретиков охраны природы, а не “изобретение” очередного экзотического кюльта.

Права и ценности

“Многие люди – в том числе и те, кто в остальном понимает природу, – писал К. Лоренц, – считают странным и совершенно излишним, когда мы, биологи, по поводу каждого пятна, которое видим на каком-нибудь животном, тотчас задаемся вопросом – какую видосохраняющую функцию могло бы выполнять это пятно и какой естественный отбор мог бы привести к его появлению. Более того, мы знаем из опыта, что очень многие ставят нам это в вину как проявление грубого материализма, слепого по отношению к ценностям и потому достойного всяческого осуждения. Однако оправдан каждый вопрос, на который существует разумный ответ, а ценность и красота любого явления природы никоим образом не страдают, если нам удастся понять, почему оно происходит именно так, а не иначе. Радуга не стала менее прекрасной оттого, что мы узнали законы преломления света, благодаря которым она возникает [выделено автором – В.Г.]” (Лоренц, 2001). Об этом же писал и И. Ефремов (1991) в “Лезвии бритвы”: красота человека не обесценивается из-за того, что мы познаем ее закономерности.

Наличие специалистов-сексопатологов и психиатров не мешает мужчинам и женщинам любить друг друга, испытывая возвышенные чувства, и не “обесценивает” сферу интимных отношений. Знание физиологии пищеварения никому не мешает наслаждаться вкусной пищей. Пение соловья не перестало вдохновлять поэтов только потому, что зоологи разобрались с его функциональным предназначением. Ученые сейчас прекрасно знают, когда, куда и зачем улетают осенью птицы. Ну и что от этого “обесценилось”? Мы все так же радуемся, услышав первую песню скворца или жаворонка, и с грустью провожаем улетающие журавлиные ключи. Когда создателям фильма “Семнадцать мгновений весны” нужно было передать чувства человека, вынужденного долгие годы жить вдали от родины, они использовали именно летящих

в небе птиц. Эта сцена, усиленная прекрасной музыкой М. Таривердиева, получилась очень выразительной.

Ценность “Моны Лизы” и других шедевров мировой живописи ничуть не уменьшится от того, что специалистам будут известны состав красок, материал холста, техника рисунка и т. п., зато при необходимости картину легче будет реставрировать. Любкой мало-мальски образованный фотолобитель знает, в результате каких химических процессов появляется фотографическое изображение. Из-за этого уменьшается ценность снимка любимой девушки? Более того, специалисты-биологи сейчас могут объяснить физиологические, биохимические и поведенческие механизмы возникновения чувства благоговения, религиозного экстаза, любви, всевозможных ритуалов и т. п. Что, от этого они перестали играть огромную роль в нашей жизни?

Ученые как раз способны чувствовать красоту природы гораздо тоньше, чем сторонние наблюдатели, видящие в ней только нечто таинственное и непостижимое. Им просто дано увидеть гораздо больше. Знарок живописи видит красоту там, где для непосвященного может быть одна лишь “мазня”. *“Гармония, присущая всем живым существам, – пишет К. Лоренц, – вот что привлекает наш интерес. Отрицать это было бы ненаучно, чтобы не сказать – нечестно. Самое строгое объективное описание либо изображение животного или растения все-таки отступает от истины в одном решающем отношении, если оно не делает очевидной красоту этого живого организма. Конечно, описывая или изображая кость, рыбий плавник или крыло птицы, мы вовсе не ставим себе сознательную задачу выразить красоту их структуры. Мы не должны допускать ни малейшего отступления от реальности только потому, что нас на это толкает эстетическое чувство. Но с другой стороны, наше изображение не будет совершенно точно соответствовать реальности, если оно одновременно не выразит красоты, присущей оригиналу”* (Лоренц,

1984). Вот, например, какую характеристику дает зоолог Я. Линдبلاد (1983) объекту своих наблюдений: *“Тигр в естественной для него обстановке словно тень от совиного крыла, эхо пушинки, лежащей на мох”*. Сложно найти более емкую и меткую метафору для передачи скрытности и бесшумности зверя в произведениях самых талантливых писателей и журналистов.

Для того чтобы соблюдать права животных, нужно самым банальным образом *знать* – при каких обстоятельствах можно их нарушить. Понятно, что, раздавив жука на дороге, вы попрали его право на жизнь. Но гораздо чаще ситуации бывают не столь однозначными. Например, появление человека в колонии черноголовой чайки во время насиживания яиц может привести к полной ее гибели – потревоженные птицы просто расклеивают яйца. А вот серебристая чайка в аналогичной ситуации ведет себя совершенно по-другому. Массовой гибели яиц не будет, зато непрошенный гость может заработать синяки и шишки от атакующих птиц. Чтобы оценить, какой интерес животного является базовым, нужно *знать* особенности биологии вида. Например, вырубая старые деревья в лесу, вы вроде бы не трогаете непосредственно серую неясыть или клинтуха, но тем самым нарушаете их право на продолжение рода – это птицы-дуплогнездки. Но чтобы понять это, нужно *знать*, где они устраивают гнезда. Во многих случаях можно компенсировать неблагоприятное действие антропогенных факторов (тем самым соблюдая интересы человека, от которых никуда не деться, и проявляя уважение прав других живых существ), в данном случае – устройством искусственных гнездовий. Но чтобы это возымело действие, нужно *знать*, где и как их делать. А для этого опять-таки необходимо изучить особенности биологии вида.

Экологические связи в природе иногда столь тонки и неожиданны, что можно “наломать дров”, совершенно не желая этого. Примеров можно найти сколько угодно в учебниках по экологии.

“Нередко случается, – пишет К. Ло-

ренц, – что пожиратель вид приносит пожирателю явную пользу. Дело не только в том, что потребитель регулирует прирост животных или растений, служащих ему пищей, так что выпадение этого фактора нарушило бы их жизненное равновесие. Популяционные катастрофы, наблюдаемые у быстро размножающихся грызунов сразу же после того, как плотность их населения становится максимальной, заведомо опаснее для сохранения вида, чем поддержание выверенного среднего числа хищниками, “снимающими” избыток. Очень часто симбиоз между пожирателем и пожирателем заходит гораздо дальше. Многие виды трав явно “сконструированы” в “расчете” на то, чтобы их постоянно укорачивали и топтали крупные копытные, этому приходится подражать при уходе за газонами, постоянно выкашивая и прикатывая их. Когда эти факторы выпадают, травы с такими свойствами сразу же вытесняются другими, не выдерживающими подобного обращения, но более жизнеспособными в чем-нибудь другом” (Лоренц, 1998).

Не так уж редко ситуации складываются вообще парадоксальные. В Антарктике среди льдов особо не разжиреешь, любой дополнительный источник корма для ее обитателей – “манна небесная”. Например, большой футляронос или белая ржанка охотно кормится пищевыми отбросами возле антарктических станций. Ликвидация же свалок в последние десятилетия ухудшила кормовую базу этого вида, что при его невысокой численности может быть серьезным неблагоприятным фактором (Лопарев, 2001). То есть, соблюдая чистоту в Антарктике, мы тем самым нарушаем право на процветание и защиту от ненужного страдания (в данном случае – от голода) футляроноса и ряда других птиц. Вряд ли кто-то из читателей захочет оспаривать утверждение, что выбрасывать пустые бутылки в море – нехорошо. Однако с этим согласятся далеко не все морские обитатели. Некоторые мелкие осьминоги, например, приспособились использовать их в качестве отлич-

ных убежищ. Благодаря этому они получили возможность освоить богатую кормовую базу песчаных и илистых грунтов, где почти нет естественных убежищ, а это способствует обогащению прибрежных экосистем (Несис, 2001). Можно ли разобраться в подобных хитросплетениях и принять ответственное решение – что делать, а что не делать – на основе лишь юридической и метафизической казуистики?

Человек, который без знания животных будет бороться за их права, может оказаться в роли красноармейца Сухова из “Белого солнца пустыни”. Это прекрасный фильм, но сюжет его сейчас воспринимается совершенно по-другому: какого черта было лезть в чужую страну и навязывать там свои ценности и обычаи? Собственно говоря, именно это и происходит, когда на животный мир пытаются переносить ценности современной западной цивилизации. Чего стоят, например, одни рассуждения о праве животных на свободу. Да вы сначала разберитесь, что нужно конкретному виду или особи. С тем же успехом можно, руководствуясь собственными представлениями о здоровой среде обитания, вытаскивать навозного жука из кучи дерьма. Для него это и есть самая что ни есть здоровая среда.

Даже в человеческом обществе отношение к свободе может быть очень различным. Почтенный американский буржуа с приличным счетом в банке склонен к тому, чтобы государство вообще никак не вмешивалось в его жизнь и бизнес. Безработный же с кучей детей с удовольствием простит тому же государству любой контроль, чтобы получать свой welfare. А какой-нибудь бомж из российской глубинки вполне вероятно согласится провести зиму в тюрьме, лишь бы не подохнуть от холода и голода. С животными еще сложнее. Домашнего кота вполне устраивает свобода есть и ничего не делать. Тем, кто интересуется проблемой освобождения животных, рекомендую почитать книги Дж. Даррелла. Вся жизнь какой-нибудь тропической белки может пройти в пределах кроны одного дерева. Если вы создадите ей подобные усло-

вия в зоопарке, тем самым обеспечите все права и интересы гораздо лучше, чем в дикой природе: вдоволь пищи, нет хищников, есть защита от паразитов и болезней. В зоопарках, при нормальных условиях содержания, животные живут гораздо дольше, чем в природе. Много видов животных и растений вообще удалось спасти от полного исчезновения только благодаря разведению в неволе. В очередной раз мы сталкиваемся с тем, что жизнь – очень сложная штука. В ней существует огромное количество цветов и оттенков, и невозможно все описать при помощи только черной и белой красок: все дикое – хорошо, все не дикое – плохо.

Если птице, несколько лет прожившей в неволе, а тем более, взятой птенцом из гнезда, “дать свободу” – она просто погибнет. Есть достаточно сложные и трудоемкие методики реабилитации таких животных. Основаны они, прежде всего, на знании экологии и поведения конкретных видов.

Познание природы важно не только для обеспечения прав живых существ и объектов неживой природы, но и для их обоснования. Ведь соблюдение их зависит, прежде всего, от того, станут ли эти идеи материальной силой, овладев массами. Как вы докажете обывателю, считающему животных “бесчувственными тварями”, что они также имеют свои интересы и способны страдать? Высказываний типа: “экофилософ N полагает, что это так” совершенно недостаточно. Цитатам из Библии, Корана и других священных книг можно противопоставить другие цитаты или иные трактовки тех же цитат. Еще меньше для этого годится художественная литература: описанные там чувства и страдания животных всегда можно списать на творческий домysel, а то и на откровенный вымысел. А вот биологические науки дают совершенно четкие и однозначные ответы, которые можно использовать в природоохранных целях. Ученые считают, что животные значительно уступают человеку лишь в рассудочной деятельности, но в плане чувств и страданий у нас намного больше общего.

Немало аргументов “убойной силы”

можно почерпнуть, например, из сравнительной этологии. Так, в семейной жизни гусей встречается немало нюансов, хорошо знакомых человеку, – от “любви с первого взгляда”, супружеской верности и самоотверженной защиты “домашнего очага” до семейных “треугольников” и даже гомосексуализма. Влюбленный самец совершенно преображается: *“Молодой гусак внезапно увлекается какой-то юной гусыней и начинает за ней бурно ухаживать – в чем ему порой очень мешает ее рассерженный отец. Ухаживание это кое в чем до смешного походит на ухаживание влюбленного молодого человека. Молодой гусак всячески показывает свою храбрость: бросается отгонять других гусаков и даже тех, которых обычно побаивается, – но, правда лишь тогда, когда его избранница может это видеть. В ее присутствии он всячески щеголяет физической силой: взмывает в воздух, чтобы пролететь короткое расстояние, которое всякий не ослепленный страстью гусь благоразумно пройдет пешком. К тому же взлетает он гораздо более стремительно, чем любой “нормальный” гусь, а, опускаясь рядом с подругой, тормозит гораздо резче. Словом, он ведет себя совсем как молодой влюбленный на мотоцикле или за рулем спортивной машины”* (Лоренц, 1984). Оказывается, гуси также могут страдать от неразделенной любви и супружеской измены. А гибель партнера вообще приводит к трагедии.

Вот, что пишет об этом К. Лоренц: *“Первая реакция на исчезновение партнера состоит в том, что серый гусь изо всех сил старается его отыскать. Он непрерывно, буквально день и ночь, издает трехсловый дальний зов, торопливо и взволнованно обегает привычные места, в которых обычно бывал вместе с пропавшим, и все больше расширяет радиус своих поисков, облетая большие пространства с непрерывным призывным криком. С утратой партнера тотчас же пропадает какая бы то ни была готовность к борьбе, осиротевший гусь вообще перестает защищаться от своих сородичей, убегает от*

более молодых и слабых; а поскольку о его состоянии сразу же “начинаются толки” в колонии, то он мигом оказывается на самой низшей ступени иерархии. Порог всех раздражений, вызывающих бегство, понижается; птица проявляет крайнюю трусость не только по отношению к сородичам, она реагирует на все раздражения внешнего мира с большим испугом, чем прежде” (Лоренц, 2001). Не правда ли, поведение вполне узнаваемо? Известны случаи, когда овдовевшие гусыни до конца своих дней оставались одинокими и сексуально пассивными, а живут эти птицы десятки лет (Лоренц, 2001). Разумеется, нельзя полностью отождествлять чувства человека и гуся, но аналогия есть, по крайней мере, слова “убитый горем” вполне подходят. У гуся тоже может быть “опечаленное” выражение лица, как и у человека. Причем оно имеет тот же механизм – за счет длительного снижения тонуса определенных мышц. “Мы не знаем и не можем знать, – пишет К. Лоренц (2001), – что субъективно происходит в гусе, который проявляет все объективные симптомы человеческого горя. Но мы не можем удержаться от чувства, что его страдание сродни нашему! [выделено автором – В.Г.]”

Сломано немало копий по поводу этичности любительской охоты. Но если показать проблему с этой стороны, вполне вероятно гораздо больше людей зададут себе вопрос: “Что мы творим?” Дело ведь не в этичности или неэтичности охоты как таковой, а в неэтичности получать удовольствие от убийства и причинения страданий. Суть этого подхода прекрасно выразил еще Р. Киплинг в одном из законов Джунглей: “Охотиться для пропитания, но не ради забавы”.

О природе любви и любви к природе

Л. Грэбер считает, что “дикая природа – это проявление “Совершенно Иного”, отличного от человека, и которое, в связи с этим, необходимо ценить” (Грэбер, 1999). Интересная постановка вопроса. А может ли в принципе человек любить и

ценить что-то только потому, что оно – иное, отличное от него? Вся история человечества свидетельствует об обратном. Сильно ли люди любили во все времена иные народы, например? Ценили – да, но в материальном выражении: при торговле рабами. То же самое было и в отношениях человека с природой. Наибольший удар по ней следовал после освоения новых территорий (Грищенко, 2001в). Столкнувшись с иным животным и растительным миром, человек стремился сделать среду обитания более привычной и урвать от природных богатств побольше. Одни виды уничтожались, другие – расселялись. В ходе колонизации Северной Америки европейцами шла непрерывная кровавая бойня. Целенаправленно уничтожалось все – от девственных лесов и обитавших в них животных (см., например, Дорст, 1968; Мак-Кланг, 1974) до индейцев и даже соседей-колонистов (долгие годы шла ожесточенная борьба между англичанами и французами, а затем между американцами и англичанами). И дело вовсе не в непривычном богатстве природы, столь же часто ее пытались “обогащать”. Надо ли напоминать о кроликах в Австралии и козах на морских островах?

Для того чтобы эффективно охранять природу, нужно, как минимум, считаться с ее законами. В том числе и теми, которые управляют поведением человека. “Наша любовь к ближнему, – пишет К. Лоренц, – настолько разбавляется массой этих ближних, притом слишком близких, что, в конце концов, даже следов ее невозможно обнаружить. Кто хочет испытывать сердечные и теплые чувства к людям вообще, должен сосредоточить их на небольшом числе друзей; как бы ни было правильно и этично требование любить всех людей, мы так устроены, что не можем его исполнить. Нам приходится, поэтому, делать выбор и тем самым в эмоциональном отношении “держаться на расстоянии” множество других людей, несомненно, не менее достойных нашей дружбы” (Лоренц, 1998). Этот же механизм можно использовать и в воспитании любви к природе.

По моему мнению, вообще не стоит злоупотреблять термином “Совершенно Иное”. Во-первых, Р. Отто вкладывал в это понятие совершенно иной смысл. Во-вторых, это выстраивает непреодолимый барьер между человеком и природой. С позиций и экологии, и экологической этики гораздо более приемлем другой подход – единство человека и природы, целостность биосферы Земли, частью которой является и вид *Homo sapiens*. Не лучше ли взять на вооружение “заветное слово” Маугли: “Мы одной крови”?

Помимо всего прочего, говоря об “Ином”, да еще “Совершенно Ином”, мы автоматически затрагиваем не лучшие свойства человеческой природы. Иное – это не наше, не такое как мы. Оно может быть враждебным, может быть нейтральным, но оно – чужое. У животных, включая человека, есть инстинктивная программа объединения “своих” для противостояния “чужим”. Объединение это может происходить по любому произвольному признаку – национальность, землячество, вероисповедание, принадлежность к определенной группе людей (класс, курс, армейское подразделение), профессия и т. д. (Дольник, 1992). В конечном итоге именно отсюда проистекают религиозные и национальные конфликты, разборки между криминальными кланами и подростковыми группировками, “дедовщина” в армии и т. п. Как учит народная мудрость, не стоит дергать за усы спящего тигра. Обыватель и так относится к природе, тем более дикой и свободной, настороженно, чему немало способствуют голливудские боевики и приключенческое чтиво. Стоит ли это усиливать еще и якобы природоохранными лозунгами?

Концепция “Совершенно Иного” неплохо смотрится в философских трактатах, но она вряд ли годится для использования “на людях”, например, в природоохранной пропаганде. Кстати, это неплохой пример того, как умудренные экофилософы в очередной раз “наступают на грабли” из-за пренебрежительного и высокомерного отношения к науке.

По мнению Ю. Одума, “краткую историю развития атмосферы следовало бы довести до сведения каждого гражданина и каждого школьника, так как она ярко показывает **абсолютную** зависимость человека от других организмов, населяющих среду, в которой он обитает [выделено автором – В.Г.]” (Одум, 1975). Причина для любви проста: Земля – наш дом. И никакие высшие силы нам его заново не построят. “Сменить квартиру” не удастся, если она придет в негодность. Природа – не “Иное”, она и в нас, и вокруг нас. Человек, что бы он ни мнил о себе, – всего лишь один из видов, населяющих биосферу. Он дышит кислородом, который выделяют растения; для жизни ему нужны питательные вещества, которые синтезируют другие организмы; отходы его жизнедеятельности, в свою очередь, также должен кто-то потреблять. Если функционирование этого глобального механизма нарушится, рано или поздно наступит, как пишет А.А. Никольский (2001), “*тот момент, когда нам не останется ничего другого, как загадать последнее желание*”. Такая научная основа для любви к природе, по моему мнению, весит гораздо больше, чем любое почитание и благоговение. Одно дело – любить “ближнего” или “дальнего”, и совсем другое – себя, своих детей и внуков, свой дом, свою родину. От такой любви нормальный человек вряд ли откажется, надо просто показать ему взаимосвязи.

Между прочим, знаменитому тезису М. Пришвина: “Охранять природу – значит охранять Родину”*, можно дать вполне научное обоснование. Как указывает Л.Н. Гумилев (2001), характер приспособляемости к природным условиям у человека иной, чем у других видов. Заселяя новый регион, он изменяет не анатомию и физиологию организма, а стереотип поведения. Так формируются новые этносы. То есть, разрушая природные ландшафты, мы тем самым

* Впрочем, примерно то же самое говорил еще Г. Конвенц, а до него – основатели немецкого национализма XIX в. (Доминик, 1997).

способствуем утрате старых традиций и обычаев и перерождению этноса. Л.Н. Гумилев (2001) отмечает: *“Историческая судьба этноса, являющаяся результатом его деятельности, непосредственно связана с динамическим состоянием вмещающего ландшафта”*. Вот пример того, к чему приводит необратимое изменение природы: *“В VII в. арабы подчинили себе Африку и Испанию, встретив сопротивление только у горцев Атласа и Астурии, т. е. там, где ландшафты подверглись влиянию римской цивилизации минимально. Там уцелели древние этносы – берберы и баски, жившие с природой в ладу. Природа своей земли их и уберегла.*

Зато потомки римских колонистов, тех, кто извел леса на постройки роскошных вилл и храмов, развел на опустошенных просторах Испании промышленное овцеводство, а в южных предгорьях Атласа вытоптал казенными табунами тонкий гумусный слой, не восстановленный донныне, оказались беззащитными перед жестокими завоевателями...” (Гумилев, 2001). О значительной роли дикой природы в формировании американской нации говорили О. Леопольд (1983) и Р. Нэш (Nash, 1982). Все это вполне рациональные аргументы. Как видим, изучение природы и ее связей с человеком отнюдь не обесценили природу в глазах человека, а очень даже наоборот.

Если ценить и любить можно только “вещь в себе”, непознанную и непонятную, то, по логике вещей, наибольшей ценностью в окружающем нас мире, видимом невооруженным глазом (а использование инструментов – это уже познание), должна обладать туманность Андромеды. Это в буквальном смысле Совершенно Иное (инее некуда – другая галактика), совершенно неизученное – таинственное крохотное туманное пятнышко на ночном небе. Однако почему-то гораздо больше мы любим “траву у дома своего”, исхоженную и истоптанную вдоль и поперек, зато родную и близкую.

Еще один важный аспект. Когда абстрактные “жиды”, “москалы”, “хохлы”, “фундаменталисты” превращаются в кон-

кретных людей – друзей, коллег, единомышленников, презирать и ненавидеть их становится гораздо сложнее. То же самое касается и любви к природе. Вряд ли можно любить абстрактно-безликое “Совершенно Иное”. Любовь к природе начинается с теплых чувств к домашней кошке или собаке, аквариумным рыбкам, растениям в комнате или в саду. Их надо подхватывать и развивать.

Огромную роль в воспитании любви к природе у самых широких слоев населения сыграли появившиеся в последние десятилетия книги писателей-натуралистов: Дж. Адамсон, Дж. и Г. ван Лавик-Гудолл, Б. Гржимека, Дж. Даррелла, К. Лоренца, Я. Линдблада, Ф. Моуэта, Дж. Шаллера и многих других. Они описывают жизнь животных на основе собственных наблюдений, противопоставляя факты устоявшимся стереотипам и дремучим предрассудкам. Оказывается, дикие животные – вовсе не бездушные и безликие твари, они могут быть вполне яркими и интересными личностями, их жизнь богата радостями и страданиями. Причем изображение зверя или птицы как личности позволяет вызвать у читателя уважение к ним даже в том случае, когда они оказываются “по другую сторону баррикады” – как волк Лобо у Э. Сетона-Томпсона или ястреб Астер у Б. Гржимека.

Не менее важны научно-популярные книги и фильмы о дикой природе. Да и научная литература тоже. В последнее время во многих странах справочники и монографии издаются в расчете на массового читателя – с хорошей полиграфией и богато иллюстрированными. Издателями движет чисто коммерческий интерес – чем больше читателей привлечет книга, тем выше прибыль. Однако, это как раз один из тех случаев, когда страсти человеческие действуют на всеобщее благо. Ученые и природоохранники должны позаботиться лишь о соответствующем наполнении.

Приведу только два примера. В издательстве “Lynx Editions” в Барселоне (Испания) с 1992 г. выходит многотомный справочник по птицам мира “Handbook of the

Birds of the World". К началу 2002 г. появилось уже 7 томов. По поводу этой фундаментальной сводки сказано немало комплиментов, но в данном случае меня интересует лишь один аспект – иллюстрации. В каждом томе содержатся сотни цветных рисунков и фотографий. Фотографии интересны по сюжету, совершенны технически, а во многих случаях еще и великолепно художественно. К тому же, подписи к ним обширны и информативны.

Книгу можно просто листать, не вникая в текст (что, вполне вероятно, и делают многие любители птиц), и наслаждаться ею, смакуя каждую страницу как глоток дорогого вина, окунаясь с головой в фантастический мир птиц. Невозможно оставаться полностью равнодушным, созерцая такую красоту и совершенство. Даже совсем далекий от природы читатель как минимум поймет, что без птиц человечество все-таки что-то потеряет.

Издательство "Kosmos" в Штуттгарте (Германия) выпустило прекрасную книгу о совах Европы (Mebs, Scherzinger, 2000). Одно из ее многочисленных достоинств – также великолепные фотографии и рисунки. Уверен, что благодаря ей появится несколько больше друзей этих птиц, полюбить которых многим мешают старые дурацкие предрассудки. Глядя на умильную мордашку слетка воробьиного сычка, женственную элегантность сипухи, забавную возню с дождевым червем домового сыча или философское выражение "лица" бородачей неясити, невозможно поверить, что они и их сородичи – пособники нечистой силы, вестники несчастья и т. д., и т. п.

Надо ли объяснять, что для подготовки подобных изданий необходимо не только в совершенстве знать жизнь птиц, включая редкие и малоизученные виды, но и лезть в самые что ни есть "медвежьи" углы, чтобы запечатлеть их на пленку.

В связи со всем вышесказанным, сам собой напрашивается вывод: как минимум один вид использования можно допустить для территорий любой степени заповедности – познание. Это важно как для человека, так и для благополучия самой природы.

Литература

- Грищенко В.Н. (2000): Охрана природы и религия: от науки к утопии? - Гуман.экол. журн. 2 (2): 11-26.
- Грищенко В.Н. (2001a): Четвертая идеология заповедного дела. - Гуман. экол. журн. 3 (1): 42-56.
- Грищенко В.Н. (2001б): Экологическая этика и заповедное дело. - Запов. справа в Україні. 7 (1): 1-8.
- Грищенко В.Н. (2001в): Новые мифы о главном: первобытный человек и природа. - Гуман. экол. журн. 3 (2): 56-74.
- Грэбер Л. (1999): Дикая природа как священное пространство. Киев. 1-50.
- Гумилев Л.Н. (2001): Этногенез и биосфера Земли. М.: АСТ. 1-560.
- Гумилев Л.Н. (2002): Древняя Русь и Великая степь. М.: АСТ. 1-839.
- Дзюба И. (2001): Современное общественное и церковное положение в Украине. - Зеркало недели. 26.05. 20: 3.
- Дольник В.Р. (1992): Существуют ли биологические механизмы регуляции численности людей? - Природа. 6: 3-16.
- Доминик Р. (1997): Антимодернизм, национализм, романтизм, мораль и религия в природоохранном движении Германии начала XX века. - Любовь к природе. Мат-лы междунар. школы-семинара "Трибуна-6". Киев. 26-46.
- Дорст Ж. (1968): До того, как умрет природа. М. 1-415.
- Ефремов И. (1991): Лезвие бритвы. Йошкар-Ола: Марийское кн. изд-во. 1-640.
- Леопольд О. (1983): Календарь песчаного графства. М.: Мир. 1-248.
- Линдبلاد Я. (1983): Мир Книги джунглей. М.: Мир.
- Лопарев С.А. (2001): Современное состояние популяции большого фуляроноса у южной границы ареала. - Беркут. 10 (1): 91-101.
- Лоренц К. (1984): Год серого гуся. М.: Мир. 1-191.
- Лоренц К. (1998): Восемь смертных грехов цивилизованного человечества. - Обратная сторона зеркала. М.: Республика. 4-60.
- Лоренц К. (2001): Агрессия (так называемое "зло"). СПб: Амфора. 1-349.
- Мак-Кланг Р. (1974): Исчезающие животные Америки. М.: Мысль. 1-207.
- Несис К.Н. (2001): Кто любит пиво, а осьминог – бутылку от пива. - Природа. 3: 39-41.
- Никольский А.А. (2001): Охрана растительного и животного мира – стратегия выживания. - Глобальные проблемы биосферы. (Чтения пам. акад. А.Л. Яншина, вып. 1). М.: Наука. 129-137.
- Одум Ю. (1975): Основы экологии. М.: Мир. 1-742.
- Фрейд З. (1990): Будущее одной иллюзии. - Сумерки богов. М.: Политиздат. 94-142.
- Фромм Э. (1990): Психоанализ и религия. - Сумерки богов. М.: Политиздат. 143-221.
- Mebs T., Scherzinger W. (2000): Die Eulen Europas. Biologie, Kennzeichen, Bestände. Stuttgart: Kosmos. 1-396.
- Nash R. (1982): Wilderness and the American Mind. New Haven, London: Yale Univ. Press. 1-430.